

У цэлым, пласт анамастычнай лексікі, якая служыць сродкам рэпрэзентацыі канцэпту “Радзіма” ў паэтычным дыскурсе Г. Бураўкіна, “працуе” на выяўленне лінгвакраіназнаўчай спецыфікі вершаванага тэксту і стварэнне моўнай карціны свету беларусаў, захоўвае нацыянальную адметнасць і этнамоўны каларыт, дазваляе пранікнуць у духоўны свет лірычнага героя.

Літаратура

1. Бураўкін, Г. Варта вернасці: вершы і паэмы / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 112 с.
2. Бураўкін, Г. Вершы пяці кніг / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 270 с.
3. Бураўкін, Г. Выбранае / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 382 с.
4. Бураўкін, Г. Выбраныя творы ў двух тамах / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1986. – Т. 1–2.
5. Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 77 с.
6. Бураўкін, Г. Узмах крыла / Г. Бураўкін. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 111 с.
7. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков / В. П. Рагойша. – Минск : БГУ, 1980. – 184 с.

И.П. Зайцева

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: irinazaj91@mail.ru

УДК 821.161.1-2

ОБРАЗЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ВОЛШЕБНЫХ ПТИЦ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Ключевые слова: *лингвокультурология, мифическое пространство, прецедентное имя, лирическая структура, тропы.*

Статья посвящена рассмотрению одного из компонентов мифического пространства, входящего в восточнославянскую национально-языковую картину мира, – сегмента, в котором существуют различные по своему назначению и иным особенностям волшебные птицы (Сирин, Алконост и др.). Проведённые наблюдения свидетельствуют, что большинство имён волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в лирических стихотворениях XX века в целом сохраняют накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который современные поэты иногда актуализируют с помощью ряда художественно-образительных приёмов, а в некоторых случаях – переосмысливают, отталкиваясь от сформировавшейся традиции.

I.P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

IMAGES OF EASTERN SLAVIC MAGIC BIRDS IN THE RUSSIAN LYRICS

Key words: *linguoculturology, mythical space, precedent name, lyric structure, trails.*

The article is devoted to the consideration of one of the components of the mythical space that is part of the East Slavic national and linguistic picture of the world, a segment in

which there are magical birds that differ in their purpose and other characteristics (Sirin, Alkonost, etc.). Observations show that most of the names of the magic birds of the East Slavic mythical space, in the lyric poems of the 20th century, as a whole, retain the semantic-cultural potential accumulated in the course of a long time, which modern poets sometimes update with the help of a number of artistic and visual techniques, and in some cases – reinterpret, starting from the formed tradition.

Сравнительно-историческое изучение широкого круга мифов позволило установить, что в мифологиях различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется: «...сравнительное изучение мифов разных народов показало, что, во-первых, весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира, и, во-вторых, что уже самый круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, – вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального устройства, тайны рождения и смерти и др. – затрагивает широчайший, буквально «глобальный», круг коренных вопросов мироздания» [7, 12].

В то же время мифическое пространство каждой из существующих мифологий по ряду параметров всегда демонстрирует **специфику**, а иногда и **уникальность**, определяемые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста, в рамках которого возникла и формировалась, а на более поздних этапах культурного развития нередко и переосмысливалась мифология того или иного народа.

Мифическое пространство воспринимается нами как одно из проявлений национального культурного пространства в целом – специфической «формы существования культуры в сознании человека, ... культуры, отображённой сознанием, ... бытия сознания её носителей. ... По своей природе национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного общества» [3, 10–11].

К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические персонажи и артефакты – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*)» [3, 10–11]. Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп представителей **фауны**, или группа **зооморфных** образов, – образы **волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящихся безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации.

В мифическом пространстве восточнославянской культуры (в данном случае речь идёт в первую очередь о культуре русской и украинской) птицы занимают весьма заметное и, по мнению многих исследователей, очень значимое место. Так, в культурно-мифологическом пространстве восточных славян Верховное божество **Род** – начало всех начал – в своём земном воплощении принимает образ серой утки, которая является его символом и носителем его силы. Именно эта утка снесла два яйца – Явь и Навь – воплощение добра и зла, жизни и смерти [4].

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясня-

ется огромными территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на **три** группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа – *полуптицы* – *полулюди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу и т.д.; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян, эти образы функционируют не только автономно, но и во взаимодействии в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, именная антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости* (**Сирин**) и *птица печали* (**Алконост**).

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образов этих волшебных птиц, безусловно, являются написанные в 1899 году знаменитые стихотворения **А.А. Блока** «Сирин и Алконост» и «Гамаюн, птица вещая»; первое из них видится особенно интересным для интерпретации, поскольку в нём волшебные птицы представлены как антиподы, символизирующие полярные эмоциональные состояния человека: **печаль** и **радость**, о чём свидетельствует и подзаголовок произведения:

Александр Блок

СИРИН И АЛКОНОСТ

Птицы радости и печали

Густых кудрей откинув волны,

Закинув голову назад,

Бросает Сирин счастья полный,

Блаженств нездешних полный взгляд.

И, затаив в груди дыханье,

Перистый стан лучам открыв,

Вдыхает всё благоуханье,

Весны неведомой прилив...

И нега мощного усилья

Слезой туманит блеск очей...

Вот, вот, сейчас распустит крылья

И улетит в снопах лучей!

Другая – вся печалью мощной

Истощена, изнурена...

Тоской вседневной и всенощной

Вся грудь высокая полна...

Напев звучит глубоким стоном,

В груди рыданье залегло,

И над её ветвистым тронном

Нависло чёрное крыло...

Вдали – багровые зарницы,

Небес померкла бирюза...

И с окровавленной ресницы

Катится тяжкая слеза... [2, 22]

Приведённое стихотворение, композиционно организованное по принципу **контраста** (первые 12 строк противопоставлены последующим 12-ти), очевидно ориентировано на традиции классической русской поэзии, что проявляется в активном привлечении автором **книжной** – высокой и поэтической – лексики (*благоуханье*, *нега*, *очи*, *багровый*, *зарницы* и др.); в свойственной произведению торжественно-трагической то-

нальности и т.д. Всё это способствует актуализации в лирическом произведении А. Блока лингвокультурного содержания прецедентных имён волшебных птиц **Сирин** и **Алконост**, закреплённой за ними символики: **Сирин** – символ, счастья и радости; **Алконост** – горя и печали. Оба символических значения активно поддерживаются особенностями поэтического контекста – противопоставленные части лирической структуры (строки с 1-й по 12-ю и с 13-й по 24-ю) контрастируют на **всех** текстовых уровнях, однако наиболее отчётливо – на *лексико-семантическом* и *синтаксическом* и прикладном для синтаксиса – *пунктуационном* (ср., к примеру, значимую роль двух тире и трёх многоточий во второй части).

К осмыслению образов волшебных птиц неоднократно обращается в начале XX-го века **Константин Бальмонт** – прежде всего в стихотворениях «Райский птицы» (1906) и «Птица Сирин» (1907); последнее из названных стихотворений приводится далее:

ПТИЦА СИРИН

Птица Сирии на Море живёт,
На утёсе цветном,
На скалистом уступе, над вечной изменностью вод,
Начинающих с шёпота волю свою, и её возносящих как гром.
Птица Сирин на Море живёт,
Над глубокой водой,
Птица Сирин так сладко поёт,
Чуть завидит корабль, зачарует мечтой золотой,
На плывущих наводит забвенье и сон,
Распинает корабль на подводных камнях,
Утопают пловцы в расцветённых волнах,
Услаждается музыкой весь небосклон,
Звуки смеха со всех возрастают сторон.
Беспощадна Любовь с Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поёт,
Над пустыней седой кто-то есть молодой,
Кто струну озарит – и порвёт.
Птица Сирин на Море живёт,
Над глубокой водой

В стихотворении К. Бальмонта в целом сохранён тот символический смысл, который закреплён за именем **Сирин** в восточнославянском мифическом пространстве, однако в данной лирической структуре этот образ представлен как более многогранный: пение Сирин не всегда несёт тому, кто его слышит, только радость и счастье; оно, зачаровав слушающего, может привести его и к гибели (*беспощадна Любовь с Красотой*).

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В.С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует система имён «вещих птиц»: **Сирин** – **Алконост** – **Гамаюн**:

Владимир Высоцкий

КУПОЛА

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещи поют – да всё из сказок.

Птица Сирин мне радостно скалится –
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед –
Это птица Гамаюн
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, –
Медный колокол, медный колокол –
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом –
Чтобы чаще Господь замечал ... [6]

Философское стихотворение В.С. Высоцкого, явно ориентированное на стилизацию в фольклорном ключе (*птицы вещи поют – да всё из сказок*), логично включает в себя и образы сказочных волшебных птиц, где автор опирается преимущественно на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом *скалиться*: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’, хотя и в этом случае трагедийность образа в определённой степени снижена сочетанием с разговорно-просторечным фразеологизмом *травить душу* (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!; То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!*

В заключение отметим, что, по нашим наблюдениям (об этом свидетельствуют в том числе и лирические произведения современных авторов, размещённые преимущественно в сети Интернет), образы волшебных птиц по-прежнему представляют интерес для поэтического творчества: накопленный этими прецедентными именами весьма богатый лингвокультурный потенциал может осмысливаться поэтами – нашими современниками – как в традиционном ключе, так и в очевидном переосмыслении традиции; при этом оба означенных подхода представляют безусловный исследовательский интерес.

Литература

1. Бальмонт, К. Птица Сирин [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD_\(%D0%91%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82\)/%D0%94%D0%9E](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BD_(%D0%91%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82)/%D0%94%D0%9E) –Дата доступа: 22.01.2018.
2. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / А. А. Блок // Сост., предисл. и коммент. А. М. Туркова; худож. В. В. Медведев. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2008. – 840 с.
3. Красных, В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2004. – 318 с.
4. Культурология [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/111117/36622/>. –Дата доступа: 22.12.2017.
5. Стихи о птице Сирин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://chtotakoe-lyubov.net/stikhi-o-lyubvi/kollektsii-stikhov/12374-stixi-o-pticze-sirin> – Дата доступа: 22.01.2018.
6. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. –Дата доступа: 22.01.2018.
7. Токарев, С. А. Мифология / С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. К–Я. – С. 11–20.